

ПРОЛОГ

Москва
1926 год

Теплым июльским вечером, в час, когда на улицах гоняет мяч детвора, а в окнах еще не зажигают огни, по Кадашевскому переулку шла молодая женщина, одетая в легкую кофту и юбку из серой чесучи. В ее руках были саквояж и картонная папка, в каких обычно художники носят рисунки. Белая, похожая на шлем панама надвинута на глаза, загорелые ноги, обутые в парусиновые туфли, твердо ступали по нагретой за день брусчатке.

На углу у кондитерской она пересекла улицу и свернула во двор.

— С возвращением, Зося Владимировна. — Соседская старуха, служившая нянькой у жильцов в третьем подъезде, заковыляла навстречу. — Что-то вы рано с отдыха воротились!

— Здравствуйте, Матрена Яковлевна. — Женщина поставила саквояж на скамью: — Со службы телефонировали. Пришлось срочно уехать.

— Что ж Иван Васильевич не остался? — Старуха одернула цветасный подол и ту же затянула концы платка у подбородка.

— Иван Васильевич как раз остался в Гурзуфе. — Зося Владимировна почему-то смутилась. — Он оттуда сразу в командировку поедет.

— Погодь, милая... — Любопытствуя, нянька наблюдала за девочкой лет пяти, играющей в мяч. — Не его ли я встретила ночью, покуда кошку нашу искала? Вышла во двор — темно.



А тут — он, в шляпе, в пинжаке. Я ему: здрасьте, Иван Васильевич. А он вроде как не узнал, а только шляпу поправил.

— Ошиблись вы, бабушка. Мой муж в Гурзуфе отдыхает, в санатории «Наркомпути»¹. А через несколько дней поедет в гости к азербайджанским товарищам.

— Что ж его, голубчика, туды понесет?

— В Азербайджане запускают первую в стране электрифицированную линию железной дороги — Баку — Сабунчи. Слышали? По радио говорили.

Старуха вытерла губы кончиком платка:

— Нет, милая, не слыхала.

— Это величайшее достижение советской науки. От Сабунчи рукой подать до Апшеронского полуострова с его нефтесмолами. Вы же знаете, советской промышленности крайне нужна нефть.

— Улька! Улька! Куды?! — Старуха с ходу переключилась на девочку и, не простившись, побежала за ней.

Зося Владимировна взяла саквояж и вошла в подъезд черного хода (парадное пять лет назад забил досками управлением). Поднимаясь по лестнице, она думала, что и правда хорошо бы, Иван Васильевич вернулся в Москву на аэроплане и встретил ее на пороге квартиры. Начальнику управления «Наркомпути» никто бы не отказал в перелете. Но правда была в том, что на отдыхе в Гурзуфе Иван Васильевич спутался с медицинской сестрой. Узнав об измене, Зося собрала чемодан, села в поезд и, не дожидаясь окончания путевки, уехала.

¹ Общесоюзный Народный комиссариат путей сообщения.



На втором этаже она поставила саквояж возле двери, достала ключ, отомкнула замок и прошла в кухню. Оттуда, через коридор — в кабинет мужа.

Огляделась и, убедившись, что там его нет, сняла шляпку и бросила ее на диван. Взяла с камина коробку с папиросами «Ява», прошла к окну и, чиркнув спичкой, закурила.

Через улицу, напротив ее дома, высилась колокольня и пятиглавый храм Воскресения Христова. В нем десять лет назад они с Иваном Васильевичем повенчались. Вспомнив про мужа, Зося потушила папиросу и задернула тяжелые шторы. Прошлась по кабинету, села за письменный стол, положила на него локти и стиснула руками лицо.

— Боже мой... — низким голосом проговорила она, бездумно глядя на дверь.

Та вдруг открылась, и на пороге появился рослый мужчина.

Сначала Зосе показалось, что это муж, она даже встала, чтобы выйти навстречу, но потом сообразила, что это — чужой человек, одетый в парусиновую толстовку Ивана Васильевича. На его ногах были мужнины домашние туфли.

Он замер, потом усмехнулся, прошел к камину и взял чугунную кочергу. Заглянув в его глаза цвета холодной стали, Зося оцепенела от страха, потом нащупала под столешницей секретную нишу, взяла револьвер и сняла его с предохранителя, как учил когда-то Иван Васильевич.

— Кто вы такой?! — крикнула она и выставила перед собой револьвер.

Незнакомец бросился к ней. Грянул выстрел, он пошатнулся, но все же успел ударить Зосю по голове, после чего сам рухнул на пол.



Обливаясь кровью и прилагая невероятные усилия, она выползла из квартиры и, оставляя кровавый след, съехала на животе по лестнице на первый этаж. На короткое время потеряла сознание, но снова пришла в себя

На улицу Зося выбралась полумертвой. К ней подкатился мяч и, ткнувшись в голову, остановился в кровавой луже.

Прибежала девочка Уля:

— Няня! Няня! Смотри, здесь тетя лежит!

Увидев окровавленное тело, старуха кулем осела на землю и сильным голосом завопила:

— Уби-и-или! Люди добрые! Человека убили!

Зося будто нехотя взглянула на нее, потом закатила глаза и обмякла.

ГЛАВА 1

НЕВОЗМОЖНОЕ

Расстояние от автомобиля до подъезда — всего несколько метров. Солнце спряталось, но тяжелая, липкая духота висела в воздухе, льнула к телу и превращала жизнь в сущий кошмар. Взглянув на небо, Надежда сняла очки. В такую жару всякое существо стремилось в прохладу и жизнь сводилась к перебежкам от одного кондиционера к другому.

«Дождь был бы кстати», — подумала она, поднялась на крыльцо и дернула за дверную ручку. Та не поддавалась. Надежда вдавила перламутровую кнопку звонка. Ожидая, пока откроют, взглянула на металлическую табличку с надписью «Ателье Надежды Раух» и тут же решила:

— Невыразительно, нужно сменить.

Дверь отворилась. Открывший ее охранник посторонился:

— Здравствуйте, Надежда Алексеевна. Вы сегодня раньше обычного.

— Здравствуйте. — Она прошла внутрь помещения. — Ирида Самсоновна здесь?

— Уже больше часа...

— Надя! — По лестнице навстречу ей спускалась высокая интеллигентная женщина лет шестидесяти. — Идем к тебе в кабинет!

Они прошли через большую гостиную, поднялись по узкой изящной лестнице с витыми перилами и зашагали по коридору. Остановившись у двери, Надежда спросила:



— Что случилось, мама?

— Будь моя воля, давным-давно уволила бы твоего кутюрье. — Слово «кутюрье» в ее устах прозвучало насмешливо, почти издевательски.

Надежда отомкнула замок, пропустила Ираиду Самсоновну, вошла следом и прикрыла за собой дверь.

— Толком Расскажи. — Она поставила сумочку на стол и опустилась в глубокое кожаное кресло. Оглядев статную фигуру матери, отметила, что та хорошо выглядит и светло-голубой костюм ей к лицу.

Когда-то Ираида Самсоновна работала манекенщицей. В ателье висели ее фотографии из модных журналов, на которых она была еще молодой. Теперь Ираида Самсоновна помогала дочери, хозяйке ателье, дизайнеру и центру этой маленькой швейной вселенной. Благодаря им обеим помещение в два этажа, являвшееся частью старинного дома, приобрело очарование, под воздействием которого рождалось абсолютное доверие к портновскому мастерству.

Особую власть над клиентами имела витрина с натуральными именованными тканями, производившими впечатление раритетной экспозиции. Устойчивая зависимость возникала у искушенных дам с первого взгляда. От заказчицы здесь требовалось только желание сшить красивую вещь. Остальное на себя брала Надежда Раух. Она не знала поражений, даже в случаях, когда дамские грезы существенно расходились с внешними возможностями.

К тому же хозяйка ателье была прекрасно информирована обо всем, что происходит в мире моды — дважды в год бывала на престижных показах в Милане, сама выбирала итальянские ткани и образцы от-кутюр, по которым училась вместе со своими мастерами. Придирчиво разбирая каждую



деталь, она радовалась новым знаниям. Радовалась, и когда находила огрехи. Тогда она с гордостью обращалась к своим закройщикам:

— Видите? Мы то же самое делаем лучше!

Надежда Раух жила интересами своего ателье. Это знали все, как и то, что попасть туда с улицы невозможно. Однако, попав к Раух по высочайшей рекомендации и получив готовый наряд, заказчица понимала, что и в родном отечестве есть свои «Страдивариусы».

Сегодняшним утром Надежде позвонила мать и, не объясняя причины, потребовала срочно приехать. Сама она уже была на работе.

— Объясни наконец, что стряслось? — повторила Надежда.

— Этот твой «кутюрье» запорол брючный костюм Ирины Ивановны.

— Рыбниковой? Из партии «Возрождение демократии»?

— У нее сегодня примерка, — сказала Ираида Самсоновна.

Надежда встала с кресла, потянулась к сумочке, достала пачку сигарет и подошла к окну. Прикурив, откинула голову, чтобы дым от сигареты не ел глаза, и наконец спросила:

— Что именно заporоли?

— Надя, прошу тебя, не кури...

— Мама, прошу тебя, не сейчас!

— Брюки окоротили, — виноватым голосом сообщила Ираида Самсоновна.

— На сколько?

— На пять сантиметров.

— Кто это сделал?

— Портная.

Надежда обернулась и с укоризной взглянула на мать:

— Фамилия у портной есть?



— Федорова.
— Как же так? Светлана Григорьевна — опытная швея.
— Дело не в ней, а в твоём «кутюрье».
— Соколов — превосходный закройщик. В чём его вина?

— Неправильно отметил длину. Будь моя воля, давным-давно бы его уволила...

— Ты уже говорила. Что будем делать?

— Не знаю. — Ираида Самсоновна подошла к дочери и протянула руку: — Дай и мне сигарету.

Несколько минут они молча курили, глядя в окно. Через улицу, напротив, высилась шестиярусная колокольня и пятиглавый храм Воскресения Христова.

— Что это? — Ираида Самсоновна указала на темную точку, кружившую вокруг колокольни.

Надежда ответила:

— Дрон. Кто-то снимает панораму на видео.

Небо над храмом стремительно затягивала огромная туча. Она была неотвратима и черна, как неминуемая беда или злой рок. Издалека донесся приглушенный раскат грома.

— Дождь будет, — проронила Ираида Самсоновна.

— Так даже лучше.

— Нужно что-то придумать...

— Позвони в цех, пусть принесут костюм, — сказала Надежда и, пока Ираида Самсоновна звонила по телефону, продолжала курить, глядя в окно.

Когда по оконному карнизу ударили первые тяжелые капли, в дверь постучали.

— Войдите! — Надежда затушила сигарету и обернулась.

У входа стоял пожилой мужчина, бледный, как его выбеленный хлопчатобумажный жакет. Седые волосы вол-



ной вздымались над испуганным, классически красивым лицом.

— Доброе утро... — произнес он дрогнувшим голосом.

— Здравствуйте, Валентин Михайлович. Почему не пришла Федорова? — спросила Надежда.

— Сердце у нее прихватило...

Ираида Самсоновна забрала из рук закройщика черный костюм из шелковой ткани и положила его на стол.

Сдернув с плечиков брюки и осмотрев их, Надежда Раух заметила:

— Да-а-а...

Валентин Михайлович нервно потер руки:

— Это — моя вина. Только моя... Отметил длину мыльцем, а меточка стерлась...

— Вас разве не учили отмечать длины ниткой? — Вопрос Ираиды Самсоновны прозвучал как обвинительный приговор.

Соколов опустил голову:

— Простите...

Глядя на него, Надежда ощущала неловкость от того, что этот пожилой, заслуженный человек винился перед ней и так глубоко переживал свой промах. Покрутив брюки в руках, она предложила:

— Можно выкроить новые.

— Нельзя, — сказала Ираида Самсоновна.

— Почему? Кажется, костюм шит из нашей ткани.

— Она закончилась. Ее просто нет.

Надежда выдвинула ящик стола и вынула из него сантиметровую ленту.

— Принесли мерки Рыбниковой?

— Вот! — Соколов положил на стол бумажный листок.



Несколько минут Надежда вымеряла длины штанин. Валентин Михайлович внимательно наблюдал за ней, готовый в любую минуту дать объяснения.

— Ну, вот что... — наконец заговорила она и указала на низ штанины: — Нужно укоротить еще на три сантиметра.

— Что?! — Валентин Михайлович в ужасе отпрянул.

— Укоротить и заузить ниже колена, — повторила Надежда тоном, не допускающим возражений.

— На сколько? — испуганно переспросил Соколов.

— Ширина брючины внизу должна быть не больше девятнадцати сантиметров.

Он замотал головой:

— Это окончательно погубит все дело. Рыбникова нас уничтожит!

— У вас есть четыре часа. Примерку буду делать сама.

Когда закройщик ушел, Ираида Самсоновна схватилась за щеки, и ее красивое лицо исказилось:

— Нет... Это выше моих сил, — прошептала она.

* * *

Гостиная ателье «Надежда Раух» являла собой просторное помещение, по стенам которого стояли антикварные шкафы и застекленные горки. На их полках хранилось множество красивых вещей. Фарфоровая посуда, изящные статуэтки, столовый текстиль: старинные салфетки и скатерти, украшенные плауэнским кружевом или отороченные узорчатой каймой ришелье. В угловой витрине разместились винтажная коллекция сумочек с прелестными фермуарами, среди которых выделялись театральные, вышитые в технике «Petit



point»¹ и напоминавшие маленькие старинные гобелены. Кресла, банкетки, диваны различных видов и стилей, расставленные на двух огромных коврах, сияли парчовой обивкой и гнутыми, с золотом ножками. У старинного секретера красного дерева, за столом маркетри², сидела администратор — ухоженная девушка в белой блузке.

Со стороны лестницы, ведущей в административную часть ателье, к ней подошла Надежда:

— Виктория, нужно поговорить...

Девушка немедленно встала. В гостиной появилась Ираида Самсоновна. За ней с костюмом в руках вошел Валентин Михайлович. Ступая по мягкому ковру, они приблизились к секретеру.

Обращаясь к закройщику, Надежда спросила:

— Ну что?

— Все сделали, как вы приказали.

— Могу быть в этом уверена?

Склонив голову, Соколов снял с шеи сантиметровую ленту и протянул ее Раух.

— Это лишнее, — сказала она и поочередно оглядела всех, кто стоял рядом. — Теперь мы все должны согласовать свои действия. Виктория, — Надежда указала пальцем на девушку, — следите за монитором. Когда подъедет машина Рыбниковой, звоните Ираиде Самсоновне...

— Не нужно, — сдержанно проговорила Ираида Самсоновна. — Я сама встречу Ирину Ивановну. Подожду в гостиной, пока она не придет.

¹ Маленький полукрестик.

² Столик, инкрустированный шпоном.